

УДК 821.161.1ТОЛСТОЙ.06

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ И САМОПОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ТОЛСТОГО

© 2009 К.А. Нагина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 октября

Аннотация: В статье исследуется мотив путешествия как один из элементов «внутренней связи», «сцепляющей» идеи внутри единого текста, который составляют все творения Л. Толстого. Объектом исследования является путешествие юного Нехлюдова в рассказе «Утро помещика», корреспондирующее с путешествием зрелого Нехлюдова в романе «Воскресение».

Ключевые слова: мотив путешествия, «путешествие открытия», Нехлюдов, «Утро помещика», «Воскресение», познание, самопознание.

Abstract: The motive for travelling is investigated in the article. It is presented as an «internal link», which connects the ideas inside the common text. And the text can be thought to be the basis for all Tolstoy's creatives. Young Nehludov's travelling in the story «Landlord's morning» are the object for investigation. Young Nehludov's traveling corresponds with an adult Nehludov's travelling in the novel «Resurrection».

Key words: motive for travelling, «travelling which inspires discoveries», Nehludov, «Landlord's morning», «Resurrection», investigation, selfinvestigation.

Среди мотивов, соединяющих разные эпохи творчества Л. Толстого, характерных как для художественных, так и для его публицистических и религиозно-философских произведений, выделяется мотив путешествия. Топографическое перемещение персонажа соответствует его духовному пути, а эмпирические «остановки» совпадают с символическими «остановками жизни», после которых следует новый виток движения. В ходе путешествия персонаж переживает ряд кризисов, которые ведут к духовным открытиям. Путешествие становится одним из элементов «внутренней связи», которая «сцепляет» идеи не только внутри одного произведения, она «служит основанием... сцеплений» [2, 62: 372] внутри единого текста, который составляют все творения Толстого.

Один из любимых персонажей писателя, Дмитрий Нехлюдов, фигурирующий в повестях «Отрочество» и «Юность», в рассказах «Записки маркера», «Утро помещика», «Люцерн» и романе «Воскресение», неоднократно совершает подоб-

ные путешествия. Путешествие, проделанное юным героем в «Утре помещика», корреспондирует с путешествием зрелого Нехлюдова в «Воскресении»: эпизод, охватывающий I–IX главы второй части романа «Воскресение», который можно озаглавить как «Нехлюдов в деревне», парадигматически повторяет действие и «ритм переживания» рассказа «Утро помещика». В обоих случаях авторское внимание сосредоточено на способах познания человеком своего истинного «я», своего настоящего предназначения, на постижении Божественного.

Рассказ «Утро помещика», состоящий из XX глав, можно представить в виде следующих сцен: 1. Князь Дмитрий Нехлюдов принимает решение поселиться в деревне. Мотивы его поступка (глава I). 2. Путешествие Нехлюдова по деревне (главы II–XVII). 3. Счастливые воспоминания Нехлюдова. Откровение в саду (глава XVIII). 4. Открытия-итоги путешествия (глава XIX). 5. Нравственное преображение Нехлюдова (глава XX).

Эпизод «Нехлюдов в деревне» романа «Воскресение» имеет следующую структуру: 1. Князь

© Нагина К.А., 2009

Дмитрий Нехлюдов едет в принадлежащие ему деревни. Колебания в принятии решения о передаче земли крестьянам внаем (глава I). 2. Беседа Нехлюдова с мужиками села Кузминское. Путешествие Нехлюдова по деревне (глава II–V). 3. Открытия-итоги путешествия (главы VI–VII). 4. Счастливые воспоминания Нехлюдова. Откровение в саду (глава VIII). 5. Беседа Нехлюдова с мужиками села Панова. Нравственное преобразование Нехлюдова (глава IX).

Девять глав эпизода «Нехлюдов в деревне» повторяют рисунок внутреннего движения двадцати глав «Утра помещика».

В первом эпизоде «Утра помещика» Нехлюдов обосновывает свое решение поселиться в деревне, чтобы быть «хорошим хозяином» [3, 373], ведомым к счастью вверенных ему крестьян.

Герой романа «Воскресение» решает отдать земли крестьянам внаем по недорогой цене. Его терзают сомнения в твердости принятого решения, и, чем больше он думает, тем больше неразрешимых вопросов встает перед ним. Прояснить сомнения помогает сон, в котором причудливо сплетаются образы прошлого и настоящего. Засыпая, князь слышит «кваканье лягушек» и «чаханье соловьев». Однообразные закоренные звуки возвращают героя в недавнее прошлое — он вспоминает «музыку дочери смотрителя». Пение соловьев — одна из гармоничных составляющих «мира божьего», оно вливается в окно вместе со светом луны, лаская слух Нехлюдова, тогда как рапсодия Листа «врывается» в коридор в момент открывания дверей, поражая слух героя, завоевывая пространство. Это символ зловещего мира, устроенного людьми, «чтобы властвовать друг над другом» [4, 8].

Два оппозиционных мира призваны обнажить два противоположных образа Нехлюдова: один — человек плоти, хозяин, другой — человек духа, способный найти свое место в «общей жизни». Конфликт между ними уже обозначен, но не разрешен, и это как раз выявляет сон.

Цепочка ассоциаций тянется дальше — от смотрителя к заключенной, к Масловой. Вибрирующее кваканье лягушек напоминает Нехлюдову дрожанье ее губ и фразу: «Вы это совсем оставьте» [4, 211]. Это пророческие слова, которые должны быть поняты сновидцем буквально: надо оставить не только сомнения в решении земельного вопроса, но и оставить все, связывающее с прежней жизнью. Это программа, задающая дальнейшее движение героя.

Стоящая перед Нехлюдовым необходимость решить вопрос о земле рождает в его сне образ немца-управляющего, который «стал спускаться к лягуш-кам» и «сделался Масловой» [4, 211]. Эта неожиданная метаморфоза демонстрирует пот-

ребность героя в целостном образе мироздания: каждое отдельное существо — это лишь часть целого, и прежде чем открыть собственное «я», нужно постичь свою тождественность с другими. «Я каторжная, а вы князь», — снова говорит Маслова. «Нет, не поддамся», — мысленно отвечает Нехлюдов, осознавая мнимость этого противопоставления. Он близок к мысли о том, что существуют два разных способа бытия: «... одно — отделенность от всего, другое — единство со всем». Избирая второй путь, надо двигаться вперед и отдавать себя людям, поэтому во сне Нехлюдов «сам стал спускаться туда, куда ползет управляющий и Маслова [4, 211]. Когда «Нехлюдов вскочил с постели, опоминаясь», он обнаружил, что «вчерашних чувств сожаления... не было и следа... теперь он радовался тому делу, которое предстояло ему, и невольно гордился им» [4, 211].

Таким образом, оба Дмитрия Нехлюдова предстают перед читателем в момент принятия чрезвычайно важного решения и стоят на пороге открытия.

В основе второй сцены рассказа «Утро помещика» лежит путешествие, совершаемое в воскресный день пешком. Психологическое развитие Нехлюдова имеет свои этапы — это остановки в крестьянских избах, совпадающие с переломными моментами в процессе разрушения иллюзий.

В готовности совершить «благодетельство» Нехлюдов посещает избы Чурисы и Юхванки. Он наблюдатель, не причастный к общей жизни и остро ощущающий это. Самоутверждение Хозяина реализуется в акте благодетельства. Общение с семейством Давыдки Белого приносит открытия. Нехлюдов воображает, как абсолютно не способного к труду Давыдку он сошлет на поселение или отдаст в солдаты. Но вдруг мелькает неожиданная мысль: дать мужику свободу самоопределения — отпустить на волю. Но побеждает психология хозяина: Давыдку надо «взять во двор... и исправлять его» [3, 351]. Этот эпизод важен зародившимся у Нехлюдова сомнением, кратким моментом признания человеческой свободы.

Последний этап путешествия — остановка в избе Дутловых. Усиливается «неопределенная грусть» и «моральная усталость» Нехлюдова. Вид довольства крестьянского семейства одновременно рождает в нем то же чувство стыда и вины. Посещение Дутловых еще в большей степени обнажает непричастность героя к общей жизни, но налицо и перемены. Нехлюдов начинает ощущать ущербность психологии хозяина. Он уже понимает: что-то не так в нем самом, а не в крестьянах, которые не желают быть благодетельствованными.

Эпизод посещения Дутловых построен по контрасту с предшествующими: благообразное и радостное впечатление производят на Нехлюдова

сам старик и его сыновья — особенно младший, Илюшка, с одушевлением рассказы-вающий ба-ринину о том, как он «ездит в извоз». Впечатления от посещения Дут-ловых — самые сильные, но, чтобы стать фактом сознания, перестроить мышле-ние и психологию Нехлюдова, им нужно «от-лежаться». «Открытия» будут сде-ланы позже.

Путешествие Нехлюдова — процесс само-познания, итогом которого должно быть новое понимание жизни и, как следствие, новое бытие. Подобное путешествие — удачный способ орга-низации текста, в центре которого — персо-наж, пребывающий в неустанном поиске. Названное Ричардом Ф. Густафсоном «путешествием от-крытия», оно исследовано ученым на примере рассказов «За-писки сумасшедшего» и «Хозяин и работник». Путешествия, представляющие собой «организующее начало жизни всех героев всех крупных произведений Толстого, состоят из аккумулирующих откровений, связанных с внезапно воз-никающими вопросами веры, пос-тавленными жизнью в мгновения, свободные от привычки и рутины, часто перед лицом смерти. Эти откровения ведут к но-вому пониманию и новому бытию» [1, 203]. Путешествие в «Утре по-мещика», напротив, привычное и рутинное, но в этой рутине и рождается новое миропо-нимание: юный Нехлюдов проходит кризис предназначения и веры, ведущий к изменению жизненной пози-ции. Не случайно это путешествие совершается у Толстого, склонного к аллегорическим прочтени-ям, именно в воскресенье, что корреспондирует с последним романом писателя, с «путешествием от-крытия» зрелого Нехлюдова.

И в раннем рассказе, и в романе путешествие по деревне совершается примерно в одну пору года: в «Утре помещика» это жаркое июньское воскре-сенье, а в «Воскресении» — это один из чрезвычайно теплых дней мая. Порядок сцен определяет нарастающее впечатление безнадеж-ности и желание Нехлюдо-ва «найти средства для того, чтобы этого не было, или, по крайней мере, само-му не участвовать в этом» [4, 226].

В сцене «Открытия-итоги путешествия» Нехлюдов ощущает, что прежняя позиция — на-блювателя и хозяина — уже неприемлема. Земля не предмет купли-продажи, и Нехлюдов отказы-вается «от пользования правом земельной собст-венности» [4, 227].

Третья сцена «Утра помещика» построена вокруг одного из центральных образов-симво-лов всего творчества Толстого — образа сада. Она открывается кризисом предназначения, который переживает Нехлюдов как неизбежный итог «пу-тешествия-открытия». Образ сада связан с актом воспоминания. Герой воз-вращается к той счаст-ливой минуте, когда год назад в майском саду он

пережил откровение, определившее его миссию: жить в деревне и служить добру. Сад Дмитрия Нехлюдова исполнен силы жизни: это «майская, сильная, сочная, но спокойная природа» [3, 365]. Когда Нехлюдов ложится на спину под дерево и смотрит в небо, на «прозрачные утренние об-лака», он переживает откровение. Ощущение счастья, радостного волнения и восторга служит нравственным ори-ентиром — по этим чувствам Дмитрий уверяется в истинности сделанного от-крытия. Нехлюдов постигает смысл бытия, который состоит в любовном еди-нении со всем сущим. В состоянии экста-тического восторга герой переживает мгновения любовной причас-тности ко всему живущему: «Любовь, самоот-вер-жение — вот одно истинное, независимое от случая счастье!» [3, 366].

С этого момента Нехлюдов будет руковод-ствоваться этикой жертвенной любви. Однако он не может до конца уяснить свое предназначение, поскольку он еще не в полной мере открыл свое истинное «я». Рационально выстроенная «чуждая будущность» состоит в служении крестьянам за «наслаждение» «бла-годарностью их»: так фор-мируется мышление хозяина, которое не имеет ниче-го общего с мистическим переживанием откровения. Сцена «Воспоминания Нехлюдова в саду» является ключом к пониманию тех психо-логических и ре-альных неудач, которые обруши-лись на молодого человека на новом поприще.

У этой сцены есть рифмующаяся с ней в рома-не «Воскресение». После разговора с крестьянами села Панова о передаче им земли в полное владе-ние Нехлюдов испытывает нравственное удов-летворение оттого, что совершил пра-вое дело. Он смотрит на озаренный месяцем сад, слушает соловьев и пребывает в состоянии умиротворения и счастья. В его памяти, как и в памяти героя «Утра помещика», поднимаются счастливые воспоми-нания. Эти воспоминания прояс-няют настоящее: решение вопроса о собственном предназначении не вызывает прежних затруднений, потому что опирается на существование божественного начала. Нехлюдов осознает в себе божью искру и вновь обретает веру. Экста-тическое состояние героя — несомненное продолжение сна, в котором слова Масловой указывали истинный путь. Он отождествляет себя с другими, осозна-ет части-цей целого. В свете этого желать блага для других — значит желать бла-га для себя. Говоря словами Толстого, жить так — значит «жить по-Божьи», то есть «жить для блага себя, не отделенного от всех других существ» [2, 53: 19].

Психология хозяина преодолена, теперь он сам — слуга, исполняющий во-лю Хозяина: «...понять все дело Хозяина — не в моей влас-ти. Но делать его во-лю, написанную в моей

совести, — это в моей власти, и это я знаю несомненно. И когда делаю, несомненно спокоен» [4, 234]. Прозрение Нехлюдова совершается одновременно с очищением природы: озаряя сад молниями, разражается гроза.

Изменения в сознании героя рассказа «Утро помещика» после проделанного им путешествия происходят поэтапно. Первый этап — осознание того, что занятая им позиция нежизнеспособна. Как и для всех толстовских героев, главным критерием истинности избранного пути для Дмитрия является ощущение счастья, нравственного удовольствия, даже восторга. Чувство «усталости, стыда, бессилия и раскаяния» подсказывает Нехлюдову, что он не прав в чем-то важном, но главное открытие еще впереди.

Видя моральную усталость своего воспитанника, старая няня-крестьянка пытается указать на его ошибки. Причина «скуки» Дмитрия Николаевича в том, что он «день-деньской один-одинешенек» [3, 369]. Драма героя — в отчужденности от мира. С усиливающимся чувством грусти Дмитрий Николаевич садится за «желтый» рояль и неожиданно для самого себя начинает импровизировать. В этот момент принципиально меняется бытийная позиция героя. Музыкальная фраза рождается сама, как будто помимо воли творящего ее человека. Нехлюдов захвачен музыкальной гармонией. В этот момент герой пребывает в состоянии измененного сознания, которому сродни сон Нехлюдова в «Воскресении». К кризису собственного «я» и предназначения его привела утрата ориентации в бытийном пространстве. Состояние почти экстатического погружения в себя, подобное состоянию сна, способствует рождению нового миро-отношения. Ключевые образы прошедшего дня видятся в ином свете. Теперь Давыдка Белый ассоциируется с «терпением и преданностью судьбе», а слова кормилицы: «Да, от помещиков деньги прятать нужно», — «бессознательно» повторяются Нехлюдовым. Он теряет ощущение своего «я», освобождается от обычного видения, и в этот момент открывает новый мир, в котором вдруг оказывается своим. Он — та же кормилица, и ее позиция, ее слова — его слова. Но он одновременно и сам Нехлюдов, и ему на плечо склоняется русая головка его будущей жены. «Странно!» — отмечает Нехлюдов перемены, произошедшие в мире, — вернее, не в мире, а в видении его. Теперь толстовский герой — участник жизненного процесса, не наблюдатель, не хозяин. Он так же, как его крестьяне, подчиняется жизненному потоку. Его «я» выходит за свои границы, чтобы постичь другого: это момент познания и самопознания. Краткое отождествление Нехлюдовым себя с Давыдкой, кормилицей, Чурисом, Юхванкой сменяется отождествлением с Илюшкой. Дмитрию Николаевичу представляется

серое туманное утро, шоссе, дорога и движущиеся по ней обозы, которые тянут «толстоногие сытые кони». Он видит Илюшку, но Нехлюдов не только наблюдатель, он и сам Илюшка. Это он ночует под «открытым звездным небом», «на пахучем сене, около лошадей». Это он читает «Отче» и «Господи помилуй» и засыпает «беззаботным сном сильного, свежего человека».

Сон Илюшки-Нехлюдова строится на метафоре полета: герой летит над разными городами, «поднявшись на каких-то невидимых крыльях» [3, 372]. Во сне, завершающем рассказ, чудесным образом сливаются день и ночь: внизу блестят «золотые города», облитые ярким «сиянием», на «синем небе» горят «частые звезды». С метафорой волшебного полета связана метафора света-сияния. Пространство как бы пронизано золотыми лучами: «И вот он видит во сне <...> Царьград с золотыми домами <...> Он свободно летит... и видит внизу золотые города, облитые ярким сиянием, и синее небо с частыми звездами, и синее море с белыми парусами, — и ему сладко и весело лететь все дальше и дальше» [2, 372].

И все же этот необычный полет не чужд контексту творчества Толстого. Способность света пронизывать пространство рождает у писателя одну из самых ярких метафор взаимодействия Бога и человека: «Душа — стекло, Бог — это свет, проходящий через стекло» [2, 45: 41]. В тот момент, когда Нехлюдов ощутил себя Илюшкой и увидел удивительный сон, он стал проводником божественного света, познал, что есть «истинная жизнь». «Истинная же жизнь есть способность стать так, чтобы пропускать свет вполне, не задерживать его. Но когда человек стал так, движение его жизни кончается <...> и тогда человек чувствует, что только тогда сделал то, что должно, когда он устранился так, что его как бы нет. Когда человек познает эту отрицательность своего личного существования, тогда он переносит свою жизнь в то, что проходит через него, в Бога» [2, 50: 190]. Нехлюдов шепчет себе: «Славно!» — «мысль: зачем он не Илюшка — тоже приходит ему» [3, 372]. В это мгновение герой отождествляет себя с другим и с другими; говоря словами Толстого, его «я доходит до не я» [2, 52: 36]. Это переживание божественного начала, в котором утрата своего «я» ведет к познанию Бога.

Толстой покидает юного героя, оставляя открытым вопрос о том, каким образом и как он сумеет претворить в жизнь постигнутое в момент откровения. Этот вопрос будет решаться Нехлюдовым в романе «Воскресение». Осознав в момент откровения в саду подлинную задачу своего бытия — исполнять волю Хозяина, «написанную в совести», герой последнего толстовского романа находит ей практическое применение: «Отдать землю, ехать в Сибирь».

Для Толстого существовало два основных способа познания «внешнего мира»: «...один самый грубый и неизбежный способ познавания пятью чувствами. Из этого способа познания не сложился бы в нас тот мир, который мы знаем. А был бы хаос, дающий нам различные ощущения. Другой способ состоит в том, чтобы, познав любовью к себе себя, познать потом любовью к другим существам эти существа; перенестись мыслью в другого человека, животное, растение, камень даже. Этим способом познаешь изнутри и образуешь весь мир, как мы знаем его. Этот способ есть то, что называют поэтическим даром, это же есть любовь. Это есть восстановление нарушенного как будто единения между существами. Выходишь из себя и входишь в другого. Все — слиться с Богом, со Всем» [2, 52: 101]. Этот второй способ познания мира открывают для себя оба толстовских героя, оба Нехлюдова. Их путешествия имеют общий итог: «восстановление нарушенного <...> единения между существами». Нехлюдов-младший оставлен автором в момент своего открытия, а главное путешествие старшего только начинается: накануне его он испытывает «радость освобождения и чувство

новизны, подобное тому, которое должен испытывать путешественник, открывая новые земли» [4, 241]. Эти слова как будто завершают не только один из эпизодов романа «Воскресение», но ставят окончательную точку в открытом финале написанного Толстым четырьмя десятилетиями раньше рассказа «Утро помещика». Это подтверждает мысль о том, что все творчество писателя — и художественное, и религиозно-философское — единый текст с заданной автором пророческой миссией: объяснить живущим, что все они пребывают в неразрывной связи друг с другом и что все они часть единого целого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Густафсон Р.Ф. Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого / Р.Ф. Густафсон. — СПб, 2003.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. / Л.Н. Толстой. — М.; Л., 1928—1938.
3. Толстой Л.Н. Утро помещика / Л.Н. Толстой // Собр. соч. : в 22 т. — Т. 2. — М., 1979.
4. Толстой Л.Н. Воскресение / Л.Н. Толстой // Собр. соч. : в 22 т. — Т. 13. — М., 1983.

*Нагина К.А.
Воронежский государственный университет.
Доцент кафедры русской литературы.*

*Nagina K.A.
Voronezh State University.
Docent competitor of russian literature.*